

Институт аманатства в российско-кавказских отношениях

Научный руководитель – Магарамов Шарафетдин Арифович

Магомедов Абакар Насовханович

Студент (специалист)

Российская правовая академия МЮ РФ, Северо-Кавказский филиал, Юридический факультет, Кафедра историко-правовых дисциплин, Махачкала, Россия

E-mail: abakar928@mail.ru

Институт аманатства (заложничества) является одним из ключевых аспектов проблемы российско-кавказских отношений. Данный институт в русско-дагестанских политико-дипломатических контактах возник в условиях выстраивания двухсторонних отношений, начиная со второй половины XVI в. с выходом границ Московского государства к Северному Кавказу и Каспийскому региону. Первые контакты дагестанского правителя шамхала Казикумуха с царской властью восходят к 1555–1557 гг. В качестве гарантии верноподданнических отношений посольство шамхала предлагало уплату ежегодной дани. Однако данное условие не было внедрено в практику, царская власть решила использовать институт аманатства. Обязательным условием для самодержавия при приведении дагестанских правителей к присяге (шерти) являлся заклад (аманат) из числа близких родственников правящей верхушки или именитых семейств. По мнению историка В.В. Трепавлова, очевидно, институт заложничества был заимствован русскими властями из ордынской политической практики [1]. Институт аманатства показал свою эффективность для центральной власти во время присоединения восточных территорий. Поэтому данный метод царская администрация пыталась активно применять и в условиях Северного Кавказа. В отличие от восточных регионов этот инструмент на Северном Кавказе не привел к ожидаемым действиям, поскольку кавказские владельцы быстро научились обходить обязательства, связанные с аманатством. Нередки были случаи, когда вместо сыновей или других близких родственников дагестанские владельцы отдавали в аманаты обычных людей из числа своих подданных, одетых для отвода глаз в богатую одежду, или же побочных сыновей, рожденных от наложниц. Соответственно, в этом случае местных владельцев несколько не волновала судьба аманатов, и они могли без особого ущерба нарушать обязательства, данные перед самодержавием. В отношении аманатов взгляды центральной власти и местных политических элит существенно различались. Если российские правящие круги или представители региональной власти – воеводы видели в аманатах знак безусловного и исключительного подчинения самодержавию, то местные власти – неприятный, но необходимый акт, сопутствующий договору с царским правительством о военном союзе, взаимном ненападении или покровительстве. Для царской власти аманаты служили единственным действенным механизмом держать местные власти в орбите своей политики. Тем не менее, данный прием не являлся эффективным, политика лавирования между сефевидами, османами и русскими царями составляла основу внешнеполитической деятельности дагестанских владельцев. Судьбы разных аманатов складывались по-разному. Часто малолетние дети, будучи в аманатах, умирали от непривычных условий их содержания. В челобитной царю Михаилу Федоровичу от 11 сентября 1643 г. эндиревский владелец Султан-Мут писал, что у него в Терской крепости три сына в аманатах умерли, после чего он отдал в аманаты нового «от прямой жены своей рожденного сына» [2]. В случае если после смерти аманата, местный владелец не предоставлял нового, то российские власти брали заложника из числа влиятельных общинников или членов правящего дома. Такое правило было предписано российской кавказской администрации

Коллегией иностранных дел от 1754 г. Тяжелые условия содержания аманатов вынуждало местных владетелей довольно часто обращаться к царской администрации с просьбой обменивать их на новых аманатов. Так, в 1739 г. с подобной просьбой в Кизлярскую администрацию обратился эндиреевский владетель Айдемир, в 1748 г. аксаевский владетель Каплан-Гирей, в 1753 г. костековский правитель Алиш Хамзин. Кизлярские коменданты не правомочны были самостоятельно принимать решение о замене аманатов, для этого требовалось согласование с астраханскими властями и с Коллегией иностранных дел. При этом царская администрация строго следила, чтобы замена была равноценной, поскольку кавказские владетели старались обходить обязательства, связанные с аманатством при замене. Поэтому, прежде чем осуществить замену всячески старались посредством лазутчиков как можно максимально поведать о новом аманате, «чтоб новый не хуже был первого». В дальнейшем по инициативе кизлярского коменданта И.С. Вешнякова принцип смены аманатов упорядочивается. Ввиду того, что местные владетели или старшины старались обойти сложившиеся порядки и выдавали вместо родных сыновей детей своих подданных, отныне ведомости по аманатам содержали такие данные, как от «которых владений сыновья», «кто отцы и матери, из каких фамилий» [3]. В одной из ведомостей по аманатам Кизлярской крепости от 22 января 1762 г., имеется графа под названием «Кому в аманата быть или переменить кого надлежит». В данной графе содержались данные, кому еще предстоит быть в аманатах или же на кого следует заменить действующего аманата. Как правило, последние сведения нужны были для равноценной замены аманата. Таким образом, порядок выдачи аманатов и их смены в интересах российской администрации на Кавказе становится более упорядоченным и регламентированным. О тяжелом положении аманатов и тяжелых условиях их содержания свидетельствовал А.С. Пушкин, который совершил путешествие на Кавказ в 1829 г., в вышедшем позднее произведении «Путешествие в Арзрум»: «В крепости (Владикавказ – А.М.) видел я черкесских аманатов, резвых и красивых мальчиков. Они поминутно проказят и бегают из крепости. Их держат в жалком положении. Они ходят в лохмотьях, полунагие и в отвратительной нечистоте. На иных видел я деревянные колодки. Вероятно, что аманаты, выпущенные на волю, не жалеют о своем пребывании во Владикавказе» [4]. Взятием аманатов российская кавказская администрация рассчитывала держать местных владетелей в орбите своего влияния, аманаты служили методом политического давления на принявших подданство владетелей. За нарушение условий достигнутых договоренностей аманаты подвергались наказаниям и другим мерам карательного характера. Содержались заложники, не выпускаясь из российских крепостей. В то же время их обучали русской грамоте, этикету, прививали им лояльность к русским, поскольку они должны были в будущем служить проводниками распространения и укрепления российского влияния на Кавказе. Однако решающим фактором установления имперской власти на Кавказе стали не эти воспитанные в духе русской культуры, этикета, политической благонадежности аманаты, а военные успехи российской армии над Турцией, Ираном и горцами Кавказа.

Источники и литература

- 1) Трепавлов В.В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М., 2007. С. 140.
- 2) Русско-дагестанские отношения в XVII – первой четверти XVIII вв. Документы и материалы. Махачкала, 1958. С. 161.
- 3) Виноградов Б.В. Специфика Российской политики на Северном Кавказе в 1783–1816 гг. Славянск-на-Кубани, 2005. С. 123.
- 4) 4. Пушкин Путешествия в Арзрум во время похода 1829 года. URL: <http://www.pushkin/01text/06prose/01prose/0870.htm> [дата обращения: 13.01.2020].